

В начале IX в. произошло первое изменение в титуле ἄρχων. Это было связано с внутренними изменениями в Болгарии. Крум стремился к абсолютной власти в стране, боролся против автономии славянских племен и принял титул ἄρχων ὁ πρῶτος. В это время вошел в употребление и протоболгарский титул συμβῆγῆ, который, как и византийский титул, означал правителя, имеющего власть над всей страной (с. 234–246).

После заключения 30-летнего договора о дружбе 815 г. начался период мира, который способствовал распространению византийских элементов политико-религиозной идеологии: креста, датировки важнейших событий Болгарии по годам от сотворения мира, византийских титулов. Византизация болгарской знати закончилась принятием Омуртагом византийского титула ἕκ θεοῦ ἄρχων, который означал политическое освобождение от византийского императора, так как теперь власть болгарского правителя исходила от Бога, в противоположность титулу ἄρχων, обозначающего зависимость от Византии (с. 246–254). В это время, по мнению Е. Кириакиса, появляется помимо византийского титула и протоболгарский καὶα συμβῆγῆ, который соответствовал

византийскому. Оба эти титула были у преемника Омуртага Маламира (831–836), но Пресиан (837–857), последний языческий правитель Болгарии, принял только византийский титул (с. 255–257).

Титул ἕκ θεοῦ ἄρχων болгарские правители носили до 912 г., когда Симеон известил Константинополь, что принял звание Βασιλεὺς Ῥωμαίων καὶ Βουλγάρων, и требовал признания его Византией. Но этого не произошло. Титул Βασιλεὺς Βουλγάρων был признан за Петром, сыном Симеона, после подписания мирного договора на 30 лет в 927 г. Однако статус Болгарии, по мнению греческого ученого, не вырос. Речь шла только о формальном признании ее суверенитета, который вытекал из договора 864 г. Новые титулы хотя и казались на первый взгляд более значительным, чем титул ἕκ θεοῦ ἄρχων, по существу был почетным титулом, так как он являл власть, полученную от византийского императора, и византийская дипломатия выражала ясно различия между василевсом ромеев и королем Болгарии. Правовой статус византийско-болгарских отношений остался нетронутым.

П.И. Жаворонков

Delacroix - Besnier C. Les dominicains et la chrétienté grecque aux XIVe et XVe siècles. Collection de l'École française de Rome [237]. Roma, 1997. 476 p.

История миссий Ордена св. Доминика на Востоке долгое время не привлекала специального исследовательского интереса. Менее многочисленные, чем миссии францисканцев, они находились словно в тени у “меньших братьев”. Не считая отдельных разрозненных публикаций, лишь в 30–60-е годы этого столетия появляется комплекс трудов Р. Лёнерца, включая диссертацию, посвященную “Обществу братьев-пилигримов”¹. К сожалению, эта работа не бы-

ла завершена, как свидетельствуют материалы архива ученого-доминиканца, хранящиеся в монастырской библиотеке Saulchoir. Таким образом, рецензируемое издание – первое в мировой историографии комплексное исследование основных аспектов деятельности “братьев-проповедников” на территориях, когда-либо входивших в состав Византийской империи и конфессионально отличных от латинского Запада. Несмотря на то что хронологические рамки работы ограничены XIV–XV вв., обширные исторические экскурсы охватывают также и вторую половину XIII в. Следовательно, в книге рассматривается вся история доминиканских

¹ Библиографию трудов Р. Лёнерца по рассматриваемой проблематике см. в рецензируемой работе К. Делакруа-Бенье.

миссий на Востоке от их основания до турецкого завоевания, когда центр “Общества братьев-пилигримов” перемещается из Каффы во Львов. Именно с этого момента архивы конгрегации сохранились практически в полном объеме; последние же два века средневековья представлены лишь отдельными документами, что побудило французскую ученую общность обращаться к широкому кругу источников различного характера (с. XII–XIII). Прежде всего, разумеется, речь идет о документах внутрицерковного происхождения (акты папской канцелярии, Генерального капитула и Верховных магистров Ордена св. Доминика, соборов XV в.) и теологических сочинениях (главным образом полемических трактатах антигреческой направленности). Среди них необходимо выделить несколько неопубликованных текстов, с которыми ученой удалось ознакомиться непосредственно в библиотеках и архивах Рима и Флоренции, а также микрофильм манускрипта середины XV в. из Базеля. Из источников светского происхождения Клодин Делакура-Бенье выделяет кипрские хроники, нотариальные акты и “архивы генуэзских колоний”, на основе которых изучаются взаимоотношения доминиканцев с местным населением и уточняется месторасположение отдельных монастырей. Возможности этих источников, как нам кажется, использованы недостаточно, а сам их подбор носит зачастую случайный характер (о чем подробнее будет сказано ниже).

Уже само название книги “Доминиканцы и греческое христианство в XIV и XV вв.” предполагает не просто изучение истории доминиканских миссий на Востоке, но более широкий взгляд на деятельность Ордена в контексте противостояния католической и православной церквей и вместе с тем сосуществования этих двух ветвей христианства и мучительного поиска компромиссов перед лицом новой угрозы – османов. Автор выстраивает сложнейшую систему взаимосвязей и иерархию отношений, в рамках которых развивалась деятельность братьев-проповедников: доминиканцы и греческая церковь, доминикан-

цы и местное население, доминиканцы и папство, доминиканцы и другие католические ордена, доминиканцы и светские власти (как метрополий, так и факторий).

Несмотря на столь широкую проблематику, монография имеет продуманную структуру; все ее части тесно взаимосвязаны не только общей целью, но и зачастую действующими лицами, колоритные фигуры которых запоминаются, благодаря несомненному писательскому дарованию автора. Книга состоит из введения, четырех частей, каждая из которых в свою очередь делится на главы, параграфы и подпараграфы, списка использованных источников и литературы², а также приложения и нескольких указателей, которые весьма облегчают работу со столь пространством изданием.

Первая часть “Доминиканцы на Востоке”, посвященная конкретной истории миссий братьев-проповедников, вносит также весомый вклад в изучение исторической географии региона. Деятельность Ордена на Востоке осуществлялась в рамках трех провинций: Греции (Романии), Святой Земли (Палестины, Сирии, Киликии, Кипра) и территорий, подконтрольных “Обществу братьев-пилигримов” – конгрегации, образованной около 1300 г. В 1303 г. доминиканец Бернар Ги составляет список монастырей Ордена, в который вошли конвенты двух первых провинций, основанных Парижским генеральным капитулом 1228 г. Однако этот источник не дает информации о миссиях, организованных в первые годы существования “Общества” и тем более позднее. Именно для этой провинции (объединившей территории от Персии до Молдавии и Польши) К. Делакура-Бенье предлагает интересную методикку, позволяющую уточнить расположение миссий и монастырей доминиканцев, а также выявить ранее неизвестные центры конгрегации

² Отметим небольшое упущение в библиографическом указателе: пропущена используемая в исследовании книга Ф. Тирье: *Thiriet F. La Romanie Vénitienne au moyen âge. Le développement et l'exploitation du domaine colonial vénitien (XII–XV siècles)*. P., 1975.

(например, в Ликостомо) (Гл. 1. Доминиканцы на Востоке: три провинции). Сопоставляя данные различных письменных источников не только по доминиканским, но и по более изученным францисканским миссиям, ученая приходит к следующему важнейшему выводу: “Основание епископских кафедр находилось в тесной зависимости от наличия миссионерских резиденций” (с. 27). Следовательно, если мы знаем, что в том или ином пункте была резиденция епископа (а такие сведения обязательно содержатся в церковных источниках), необходимо там же “искать” и центр миссии. Используя эту методику для Северного Причерноморья–Приазовья, К. Делакруа-Бенье доказывает, что, кроме известных ранее монастырей доминиканцев в Каффе и Тане, “существовали, по меньшей мере, три других, расположенных несомненно в генуэзских колониях Крыма, достаточно важных, чтобы получить епископскую резиденцию, таких как Воспоро, Херсон, Чембало или Солдайя” (с. 24). Этот вывод полностью подтверждается письменными источниками, сообщающими, что в регионе действовали пять миссий, но, к сожалению, не перечисляющими их конкретно. На основе полученной информации К. Делакруа-Бенье составляет четыре карты “Монастыри и дома, принадлежащие Обществу братьев-пилигримов и братьям-униатам (конец XIV – начало XV в.)” по регионам: Молдавский путь (районы Приднестровья–Подунавья), Черное море, от Черного моря к Каспийскому (Армения, Грузия, Азербайджан, Персидская миссия), Восточное Средиземноморье (Пелопоннес, острова Эгейды, Кипр, Западная Анатолия) (Приложение, с. 452–453). По признанию самой ученой, существование монастырей в ряде мест гипотетично (на картах они отмечены знаком “?”), однако надо отдать должное кропотливым исследованиям К. Делакруа-Бенье, тем более, что предложенная ею методика может быть с успехом использована другими историками.

Пытаясь ответить на вопрос: в чем состояла суть миссии, возложенной

папством на доминиканцев на Востоке, – во второй главе первой части К. Делакруа-Бенье обращается к письмам римских понтификов, адресованным главам провинций и епископам на местах. Согласно этим источникам, роль миссионеров не оставалась неизменной на протяжении XIV–XV вв. Переломным моментом явился Ферраро-Флорентийский собор. До 1439 г. речь идет главным образом о борьбе против ересей или, реже, против иудеев, не затрагивая никоим образом православные греческие общины (с. 35). Весьма показательно в этом плане письмо папы Мартина V Антонио ди Леванто епископу Таны. Характеризуя население города и его окрестностей, папа говорит, что оно состоит из неверных, схизматиков и еретиков. Ответственность за присутствие в городе последних Мартин V возлагает на греческий клир, “который не сумел сохранить чистоту веры; это очень частая тема в папских посланиях миссиям на Востоке” (с. 56). Лишь после 1439 г., когда на доминиканских инквизиторов были возложены функции претворения в жизнь унии, по мнению К. Делакруа-Бенье, можно говорить о прямом вмешательстве братьев-проповедников в дела греческих общин (с. 43). Ученая вносит интересные коррективы в сложившийся образ миссионера и инквизитора: “Источники никогда не представляют их как преследователей каждого христианина, не высказывающего должного почтения католическому учению, они никогда не были причиной конфликтов между греческими и латинскими общинами...” (с. 406).

Третья и четвертая главы первой части связаны общей проблемой власти. В третьей главе “Генуэзская Романия, Венецианская Романия, два мира, и другие: эллинизм сельского мира и городской космополитизм” К. Делакруа-Бенье анализирует особенности венецианской и генуэзской моделей колониального управления: “Пестрое население генуэзских колоний Причерноморья вынуждало метрополию принимать во внимание местный партику-

ляризм. В то время как Венецианская Романия была организована на принципах централизма и унификации, с учетом византийского опыта управления, Генуэзская Романия функционировала на основе более гибких принципов, и местные власти располагали большей свободой” (с. 71). Этот основной вывод вполне традиционен. Однако, на наш взгляд, недостаточно связывать особенности генуэзского типа колонизации лишь с пестротой этнического состава населения факторий. Аналогичный фактор присутствовал и в Венецианской Романии. Вопрос, как кажется, следует ставить более широко: и генуэзцы, и венецианцы в своих заморских владениях стремились к воспроизведению модели метрополии, отсюда и венецианский универсализм, и генуэзский партикуляризм³.

Проблема взаимоотношений доминиканцев со светскими властями – одна из центральных в книге К. Делакруа-Бенье. В далеких заморских краях проповедники сталкивались с совершенно различными формами государственного управления, и всякий раз им приходилось сообразовывать свои действия с особенностями геополитической ситуации. Византийские и трапезундские императоры, генуэзские и венецианские официалы, короли Кипра, ахейские князья, грузинские цари, золотоордынские ханы, молдавские и валашские воеводы, польские короли – вот далеко не полный список правителей, в контакты с которыми приходилось вступать доминиканцам. Представители генуэзской и венецианской колониальной администрации, пожалуй, должны быть названы прежде всего.

С самых первых шагов деятельность миссионеров на Востоке прохо-

дила бок о бок с освоением региона западноевропейскими колонистами. Уже при анализе месторасположения монастырей К. Делакруа-Бенье отмечает, что важнейшие центры доминиканских миссий совпадали с основными поселениями генуэзцев. Так было в Причерноморье, где Каффа, Трапезунд и Пера “представляли собой три вершины треугольника, структурировавшего генуэзскую колониальную империю”, и одновременно там же располагались три важнейших монастыря доминиканцев (с. 11). Так было в Приднестровье–Подунавье: “Момент, когда начинается период основания монастырей в Рутении, на Подолье и в Молдавии полностью совпадает с перемещением генуэзских факторий на молдавский путь и с польско-венгерской экспансией, направленной против этих византийских территорий... с 1370-х годов” (с. 30). Речь безусловно идет не о простых совпадениях, а о том, что духовная и светская колонизация были двумя составляющими широкого движения на Восток, захлестнувшего Европу с эпохи крестовых походов⁴.

В целом политика латинских властей на Востоке по отношению к миссионерам, несмотря на различный социокультурный контекст, несет больше общих черт, нежели различий: “Власти всегда стремятся иметь послушный и верный клир и поэтому пытаются поставить под свой контроль... назначение клириков, особенно тех, кто составлял верхушку иерархии. Их второй главной заботой является обеспечение социального мира” как гаранта успешного функционирования экономики (с. 77). Следовательно, религиозный прозелитизм, грозящий конфликтами между различными общинами,

³ Более подробно об этом см., например: *Pistarino G.* I “Gin” dell’Oltremare. Genova, 1988; *Idem.* I Signori del Mare. Genova, 1992; *Idem.* La capitale del Mediterraneo: Genova nel Medioevo. Bordighera, 1993; *Airaldi G.* Investimenti e civiltà urbana nelle colonie medievali italiane // *Civico Istituto Istituto Colombiano: Studi e Testi. Serie Storica / A cura di G. Pistarino.* Т. 2. Saggi e documenti. Genova, 1978. P. 51–58 (рец. С.П. Карпова см.: ВВ. 1989. Т. 50. С. 215).

⁴ Именно под таким углом зрения была рассмотрена проблема в докладе М. Амуру, сделанном на Втором Международном коллоквиуме по “Истории колонизации в средние века”: *Amouroux M.* L’Église régulière, outil de la colonisation de la Syrie par les croisés aux XIII–XIII siècles // *Coloniser au Moyen Âge. Actes du Colloque international “Coloniser au Moyen Âge”* (Toulouse, 1991). P. 1995. P. 281–288 (нашу рецензию на эту книгу см.: ВВ. 1998. Т. 58).

никогда не был в чести у светских властей. По мнению К. Делакруа-Бенье, правители вполне преуспели в достижении как первой, так и второй цели. Списки епископов латинских кафедр на Востоке показывают массовое преобладание французов среди верхушки клира на Кипре и в Святой Земле, венецианцев на Крите, генуэзцев на островах Восточной Эгейды и в Причерноморье (с. 77). При этом религиозная политика Венеции отличалась особой жесткостью, церковные власти на местах были включены в универсальную систему колониальной администрации и фактически напрямую подчинены Сенату (с. 82). Власти генуэзских факторий, напротив, проявляли значительную гибкость во взаимоотношениях с различными религиозными общинами и с миссионерами. Основной причиной конфликтов между колониальной администрацией Генуи и доминиканцами была работорговля (с. 97). Особые отношения сложились у доминиканцев со светскими властями в Приднестровье–Подунавье, где польские короли, равно как и те из молдавских и подольских правителей, кто перешли в католическую веру, жертвовали значительные суммы на основание монастырей и поддержание их жизнедеятельности. В целом, по мнению К. Делакруа-Бенье, образование государств в этом регионе (за исключением Валахии) в конце XIV – первой половине XV в. создавало благоприятную обстановку для развития католических миссий (с. 105–114).

Во второй части рецензируемой монографии рассматривается этнический состав доминиканских миссий на Востоке. К. Делакруа-Бенье анализирует просопографическую информацию по трем категориям миссионеров: епископы, инквизиторы и генеральные викарии “Общества братьев-пилигримов” (соответствующие списки приведены в Приложении с. 431–450). Несмотря на то что ученой далеко не всегда удавалось определить страну, из которой происходил тот или иной доминиканец, в целом К. Делакруа-Бенье приходит к выводу, что среди всех трех категорий численно преобладали

итальянцы (прежде всего генуэзцы), встречаются также провансальцы и аквитанцы, значительно реже – англичане и арагонцы. В “Обществе братьев-пилигримов”, начиная с 1360-х годов, заметную роль играют лица, родившиеся на Востоке, будь то выходцы из итальянских факторий, армяне или греки. Хотя греки численно значительно уступали армянам, их роль в конгрегации была совершенно особой, скорее политической и теологической, нежели пасторской. Именно они, обращенные из православия в католицизм, “составляли основу процесса, который приведет постепенно к Флорентийской унии” (с. 141).

Ферраро-Флорентийский собор – центральный сюжет книги, хотя непосредственно ему посвящена лишь последняя четвертая глава завершающей четвертой части монографии. По сути дела вся деятельность доминиканцев на Востоке на протяжении почти двухсот лет, предшествовавших собору, рассматривается К. Делакруа-Бенье как некая прелюдия к событиям 1438–1445 гг. Более того, без этой деятельности невозможно было ни пройти путь, приведший к собору, тогда, ни понять этот путь сегодня (с. XIII, 407).

Как нам кажется, монографию К. Делакруа-Бенье в целом можно условно разделить на две большие части: конкретно-историческую, которую мы рассмотрели выше, и практико-теологическую, к анализу которой мы переходим. Подчеркивая практический аспект, мы имеем в виду, что речь идет не об отвлеченных богословских штудиях, а о теологии доминиканцев как мощном идеологическом оружии. Именно на Востоке в своей полемике с греческими интеллектуалами доминиканцы оттачивали это оружие, с успехом примененное ими впоследствии во время Ферраро-Флорентийского собора.

Третья часть монографии целиком посвящена методу деятельности братьев-проповедников. Двумя важнейшими составляющими этого метода, по мнению К. Делакруа-Бенье, были обращение в католицизм местной элиты и создание системы образования монахов,

адаптированной к местным условиям. Таким образом, преподавание восточных языков ставится во главу угла в основных образовательных центрах доминиканцев, действовавших в районах миссионерства (прежде всего монастыри Перы Константинополя и Каффы) (с. 201–207). Фундаментальными дисциплинами оставались, естественно, теология и философия. Несмотря на то что мы не располагаем точными сведениями о программе обучения в этих центрах, об уровне преподавания там говорит уже тот факт, что из этих школ вышли многие талантливые полемисты, к анализу сочинений которых К. Делакруа-Бенье переходит во втором-восьмом параграфах третьей главы (с. 207–277). Важно, что ученая стремится выстроить всю линию развития полемической литературы доминиканцев, созданной на Востоке с середины XIII в., анализируя не только достаточно известные сочинения Симоне Атуmano и Филиппо ди Биндо Инконтри, но и трактаты, не являвшиеся ранее предметом специальных исследований, в том числе неопубликованные. Линия так называемых сочинений “Против заблуждений греков” восходит еще к “Христианской теологии” П. Абеляра, однако на Востоке (главным центром создания полемических трактатов была Пера) она получает оригинальное продолжение, особенно, когда в полемику вступают доминиканцы греческого происхождения (Димитрий Кидонис, Мануил Калека, Максим и Андрей Хрисоверги). Если в трактатах Симоне из Константинополя и Филиппо из Перы особое значение приобретает историческая критика анализируемых текстов, то греков-католиков более интересуют философские и теологические аспекты дискуссии. Обращает на себя внимание действительно глубокое и всестороннее образование авторов полемических сочинений, однако сразу же возникает вопрос: насколько рядовые миссионеры-доминиканцы были способны воспринять и донести через проповеди до своей паствы высказываемые идеи; не оставались ли они достоинством лишь узкого круга интеллектуалов? Хотя книга К. Делакруа-Бенье, к сожалению, не содержит ответа на этот вопрос, деятельность доминиканских полемистов в любом случае была успешной, поскольку во многом именно благодаря ей, по мнению ученой, оказались возможными и Ферраро-Флорентийский собор, и заключение унии католической и православной церквей.

Четвертая часть монографии “Доминиканцы и соборы XV в.”, пожалуй, самая яркая во всей книге. К. Делакруа-Бенье воссоздает напряженную рабочую атмосферу, в которой проходили Констанцский, Базельский и особенно Ферраро-Флорентийский соборы: “Анализ содержания доктринальных дискуссий Ферраро-Флорентийского собора создает живое и глубокое впечатление о прохождении сессий, впечатление, сопоставимое с фотографией, сделанной изнутри” (с. 401); и ученой в полной мере удается донести это несколько неожиданное, казалось бы, впечатление до читателя (неожиданное, поскольку теологические дискуссии, как правило, воспринимаются как нечто сухое и малоинтересное для широкой публики). Такой эффект достигается благодаря привлечению очень широкого круга источников, в том числе переписки итальянских гуманистов, которые вместе с доминиканцами играли важнейшую роль прежде всего в подготовке к сессиям собора. Читатели становятся свидетелями каждодневной работы этого кружка светских и духовных интеллектуалов: “Джулиано Чезарини собирает информацию и распределяет задания, флорентийские гуманисты, Леонардо Бруни Аретино, канцлер Синьории, и Джованни д’Ареццо изучают тексты по запросам доминиканцев, выступавших на соборе, Жана де Монтенеро и Андрея Хрисоверга, затем Амброджо Траверсари делает переводы” (с. 346). Лучшие интеллектуальные силы латинского Запада и Востока были мобилизованы для защиты интересов католической церкви, что, по мнению автора монографии, обеспечило ей

куда более выигрышные позиции: “Анализ актов собора представляет, со стороны латинян, вполне современный метод рассмотрения источников: исследование древнего текста, сопоставление рукописей, изучение почерка... Это явилось результатом работы группы, собранной Амброджо Траверсари, в которой доминиканцы и светские лица трудились совместно. В этом союзе, в рамках которого развивался флорентийский гуманизм, умели принимать в расчет полемическую традицию братьев Перы. Эффективность доминиканской теологии, следовательно, соответствовала их способности адаптироваться к постоянно изменяющемуся миру. И эта позиция контрастировала с позицией греческой делегации...” (с. 404).

Таким образом, основным итогом деятельности доминиканских миссионеров в областях влияния православной церкви было заключение унии 1439 г., и не их вина в том, что унию эту не удалось претворить в жизнь. Западные государи были более озабочены будущим своих владений, нежели тем, чтобы реально прийти на помощь византийскому императору (с. 408). После османского завоевания центры доминиканских миссий на Востоке прекращают свое существование.

Как нам кажется, для рецензируемой монографии подошел бы подзаголовок “История доминиканских миссий на Востоке в лицах”. Страстные проповедники и глубокие философы, самоотверженные миссионеры и ловкие дипломаты, талантливые полемисты и блестяще гуманистически образованные люди, но при этом всегда “верные агенты Святого Престола” (с. 407) – такими предстают доминиканцы на страницах книги. Сама К. Делакура-Бенье зачастую подпадает под обаяние личностей своих героев. Это и неудивительно: “История миссионеров-доминиканцев на Востоке... богата сильными личностями, которые удивляли своих современников” (с. XI). При этом в значительной степени за полем зрения ученой остаются более скромные фи-

гуры рядовых последователей св. Доминика. Насколько широкое распространение в их кругах получила система образования, культивируемая магистрами Ордена при покровительстве пап, были ли доступны им произведения современных теологов, использовались ли полученные знания в практике проповеди? Ответы на эти вопросы содержатся в книге К. Делакура-Бенье лишь в самой общей форме (“Такая школьная инфраструктура... обеспечила успех доминиканской проповеди, предоставив миссионерам солидную интеллектуальную подготовку” (с. 205), да и то не всегда. Повседневная жизнь миссий также обрисована менее подробно, чем хотелось бы. То же можно сказать и о финансовой стороне организации миссий (за исключением монастырей Приднестровья–Подунавья, существовавших главным образом за счет королевских пожалований). Очевидно, используемые ученой источники недостаточны для освещения этих сюжетов. По нашему мнению, в будущем автору могут быть полезны документальные источники, прежде всего нотариальные акты, с которыми и сама К. Делакура-Бенье связывает дальнейшие перспективы исследований, “чтобы дополнить список монастырей или проверить их существование в Воспоро и Чембало” (с. 406). Однако, на наш взгляд, значение этих материалов могло бы быть значительно шире. Помимо уже сказанного, нотариальные акты способны пролить свет еще на один важный аспект жизнедеятельности миссий на Востоке, практически полностью оставшийся за рамками труда К. Делакура-Бенье. Мы имеем в виду сугубо мирские занятия миссионеров, а именно их участие в различного рода коммерческих предприятиях. Известно, что пилигримы зачастую были не прочь совместить благочестивое паломничество с получением выгоды от торговых операций либо посреднических услуг⁵; на широкую ногу

⁵ *Stöckly D.* Sur le chemin des galères vénitienes vers la Terre Sainte: l'étape de Rhodes // *Ἐθναρχία*. 1997. 27. P. 79–88.

было поставлено предпринимательство и в государстве Госпитальеров на Родосе⁶; лица духовного звания неоднократно встречались нами в качестве контрагентов при заключении различных сделок⁷. Не были чужды деятельности такого рода и доминиканцы. Вспомним хотя бы решение Магдебургского капитула Ордена (1363 г.), которым ликвидировалась должность генерального викария на Востоке и фактически прекращалась деятельность “Общества братьев-паллигримов”⁸. Это решение “было принято под давлением части доминиканских прелатов европейских провинций, опасавшихся значительного оттока молодых людей, послушников ордена, на Восток, где последние активно включались в торговые операции”⁹. Кроме того, братья-проповедники могли выступать и в качестве нотариев; ведь именно в районах миссионерства ощущалась острая потребность в лицах, знавших делопроизводство и одновременно владевших восточными языками, чтобы оформить сделки латинян с местными жителями. Этот аспект деятельности доминиканцев также нуждается, на наш взгляд, в изучении. Между тем в монографии говорится об особых отношениях, которые “могли завязываться между купцами и миссионерами”, как свидетельствует нотариальный акт, состав-

ленный на Хиосе (1383). Этим актом некая вдова и ее сын дают Доминику из Перы поручения по исполнению завещания умершего мужа и отца (с. 30). Однако намеченная таким образом тема “мирских занятий” миссионеров не получила в книге дальнейшего развития.

В распоряжении автора имелось большое количество неопубликованных источников, и остается лишь сожалеть, что в приложении приводится текст только одного из них – довольно короткого письма Андрея Хрисоверга к Бартоломео Фацио (1448) (с. 451). Хочется надеяться, что в дальнейшем К. Делакруа-Бенье удастся подготовить публикацию источников по рассматриваемой теме и прежде всего полемических сочинений – “излюбленного оружия” доминиканцев.

Таким образом, исследование К. Делакруа-Бенье несомненно имеет серьезные перспективы и хочется надеяться, что ученая продолжит работу над темой.

Написанная хорошим литературным языком, изобилующая яркими и запоминающимися примерами, прекрасно изданная монография К. Делакруа-Бенье может рассчитывать как на академическую аудиторию, так и на достаточно неискушенного читателя, который не только получит удовольствие от знакомства с книгой, но и несомненно расширит свой кругозор. Важно отметить, что такая доступность ни в коей мере не снижает научной ценности труда К. Делакруа-Бенье. Таким образом, нам очень приятно заключить, что рецензируемая книга являет собой достаточно редкий в современной медиевистике пример подлинно научного издания, представляющего интерес для очень широкого круга читателей.

А.А. Талызина

⁶ Ibid.; *Heyd W. Histoire du commerce du Levant au moyen-âge. T. 2. Leipzig, 1887. P. 290–300; Талызина А.А. Неизвестный генуэзский документ 1440 г. о торговой навигации, пиратстве и корсарстве в Восточном Средиземноморье // Причерноморье в средние века. М., 1995. Вып. 2. С. 58–67.*

⁷ См., например, материалы составленного в Тане картулярия Донато а Мано: Причерноморье в средние века. Вып. 4 (в печати).

⁸ К. Делакруа-Бенье вскользь упоминает об этом решении, однако не указывает на причины его принятия (с. 30).

⁹ *Картов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 132–133.*